

Н.Б. Янковская

«ОАЗИС ТАДМОР». К РАЗРАБОТКЕ ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОСТИ

«И таково было дело пробивания... кирка одного к другому. И когда осталось пробить три локтя, был уже слышен голос одного, кричавшего другому... в день пробивания врубались каменотесы один навстречу другому, кирка против кирки, и пошли воды от входа к пруду на 1200 локтей и 100 локтей была высота скалы над головой каменотесов...»

(Силоамский тоннель близ Иерусалима. VIII в. до н.э.)

Многие из тех замыслов, которые оказывались в кругу внимания Игоря Михайловича Дьяконова и разрабатывались его учениками, приобретали значительность, становились лучше и интереснее, чем первоначальная идея. Масштабы его личности увлекали за пределы простых наблюдений. Так было и с последней моей работой, в которой предполагалось его более длительное, чем получилось, участие. Знаток восточных письменностей, полиглот и прирожденный историк Игорь Михайлович интересовался всем, что раздвигало рамки устоявшихся построений. Стремление избавиться от трафаретов изложения истории письма с помощью приема «обратной перспективы», привело к неожиданным для нас обоим результатам. Они требуют подробного разбора и в том суммарном изложении, которое предлагается здесь, они должны лишь привлечь внимание к ключевым вопросам.

Рукопись этой небольшой книги была создана в последнее полугодие жизни Игоря Михайловича Дьяконова, единственного из знатоков клинописных культур, кто получил подготовку семитолога не только у А.П. Рифтина, но и у арабиста Н.В. Юшманова, блистательного систематизатора латинских письменностей мира, лингвиста широчайшего диапазона знаний.

В нашей обстоятельной разработке материалов месопотамской выставки Государственного Эрмитажа все тексты, иллюстрирующие историю ближневосточной письменности, рассмотрены в обратном порядке по сравнению с принятой для экскурсионного показа хронологической последовательностью. Мы начинаем с более позднего таможенного тарифа Пальмиры (Тадмора) с его двузачным текстом и движемся далее «в глубь веков». Этот прием «обратной перспективы» позволяет уловить *существенные элементы фиксации устной речи последовательно, так, как они утверждались в писцовой практике и в дальнейшем осваивались разноязычными писцовыми школами Ближнего Востока, не только в клинописи, но и в другой графике*. Сначала дается характеристика приемов членения устной речи, затем устанавливается, откуда они появились¹.

Основа взаимосвязи писцовых школ в их трудном, шаг за шагом, продвижении ко все более адекватной передаче живого языка уловима лишь при рассмотрении особенностей письма без отрыва от событийной канвы, диктующей *выбор средств фиксации языка из уже известных писцам систем с приспособлением их принципов к передаче своей особой разговорной речи*. Это обстоятельство обнаружилось с особой убедительностью при обработке архива туркменской Нисы. В ее материалах обнаружен арамейский «бланк», в котором присутствуют иранские слова и фразы. Включение в арамейский «бланк» иноязычных строк совершенно аналогично тому, как шло освоение писцами-хурритами Загроса шумеро-аккадской клинописи, системы письма

¹ Использование «бланка» присуще крайне экономным в своих построениях клинописным текстам, формула которых сложилась в шумерском образце.

значительно более сложной, чем арамейская графика, воспринятая ираноязычными парфянами.

Проникновение индо-иранской ономастики в предгорья Загроса (хурритская Арпах) и Тавра, в репертуар имен царской династии военно-административного центра хурритского государства Митанни документально засвидетельствовано. Опыт освоения клинописи хурритами предваряет опыт писцовой школы арамейской графики, которая переняла методы кодирования разговорной речи из предшествующей ей хурритской писцовой школы. Последняя в свою очередь опиралась на приемы освоения шумерского письма для передачи разговорного аккадского, письменности структурно совершенно непригодной для семитских языков из-за отсутствия эмфатических и гортанных согласных.

В ассирийской империи шумеро-аккадская клинопись функционировала параллельно с арамейским письмом, популярность которого вне элитарных структур империи известна и объясняется простотой арамейской графики сравнительно с блестяще разработанной, но весьма непростой клинописной системой фиксации иноземных для Двуречья горских языков Загроса и Тавра.

Документированные контакты между разноязычными культурами Ближнего Востока начинаются отнюдь не с попыток административных объединений, а напротив, с обхода блокировки международных связей. При возникновении Ранних династий Шумера, т.е. примерно с XXVII в. до н.э. отмечается активное оживление Эгеиды на западном направлении – существенный сдвиг в истории древнего мира, ознаменованный включением Киклад в единую систему связанных между собой древних цивилизаций. Подъем селений Иранского плато на востоке ойкумены, Закавказья на севере и оазисов Аравии на юге зафиксирован археологией задолго до раннединастической эпохи Шумера. Контакты этих регионов, наметившиеся в глубочайшей древности, существовали и в дальнейшем отнюдь не благодаря насильственным объединениям, а в обход и *отталкиваясь* от них.

Самые ранние отмеченные археологами формы письма – учетные фишки из глины – найдены по всем предгорьям, окаймляющим Плодородный Полумесяц, и датируются эпохой мезолита (IX–VIII тыс. до н.э.). Узловые пункты скопления фишек соответствуют центрам развития особых письменных традиций. Много тысячелетий спустя каждый из этих центров получит собственную учетную документацию на своем языке, сопровождающую формирование распределительных систем *обособившихся* государств.

Все памятники месопотамской экспозиции не только Эрмитажа, но и других музеев мира представляют историю письменности Ближнего Востока эпохи древности сплошь только в камне и керамике – двух самых прочных материалах. Между тем этими двумя материалами не исчерпывается то, чем пользовались для составления текстов на Ближнем Востоке в древности, в особенности для повседневной переписки, памятных записок и религиозно-поэтических сочинений. Обнаружить следы других материалов удастся благодаря сохранению терминологии, касающейся писцового дела, в этнографии за пределами эпохи древности.

Сведения об этих других материалах рассмотрены в недавно вышедшей статье М. Марактена². Статья позволяет сопоставить наши наблюдения над особенностями семитской эпиграфики с предложенными автором уточнениями относительно терминологии письменных жанров в связи с использованием различных материалов для письма. Классификация Марактена открывает путь к пониманию загадочных явлений, отмеченных в литературе по истории письма и пока не нашедших себе объяснения. Сопоставления, далекие по времени, допустимы как ввиду устойчивых природных особенностей территории, так и этнических корней ее обитателей, сохраняющих по сей день языки все той же семито-хамитской (афразийской) языковой общности.

Упоминание среди принятых в Аравии терминов писцового дела и таких, которые

² *Maraqten M. Writing Materials in Pre-Islamic Arabia // JSS. 1998. 43. 2. P. 287–310.*

известны из клинописных текстов III–II тыс. до н.э., позволяет использовать находки Марактена для дальнейшей разработки нашего сюжета. В числе этих терминов для обозначения *p a z l и ч н о г о* рода текстов Марактен, ссылаясь на словари и работы семитологов (без указания хронологических рамок употребления терминов – последнее добавлено нами), называет три наиболее существенных для нас термина: 1) *le'ui* – аккадский термин для юридического документа (араб. *lawh*); 2) *sêpum* – аккадский термин для документа в виде страницы книги или свитка (араб. *sahîfah*); 3) *tupput* – шумеро-аккадский термин для votивной таблицы (южно-арав. *tf*).

В перечне представлены как мягкие материалы, самые ранние из которых – шумерские кожаные свитки KUŠ.GĪD.DA, отмеченные и в эпоху царствования аморрейской династии, так и твердые материалы, к числу которых относятся кость, камень и металлы. Ходовыми заменителями кожи, кости, камня и металла на территориях оседлых народов, как нам кажется, была глина (керамика), на территориях, связанных с оазисами кочевых племен, – черенки пальмовых листьев (*sahîfah* / *sêpum*). Последнее замечание нуждается в пояснении.

Графика архаических учетных записок, сохранившихся в виде глиняных фишек и бирок по всей территории предгорий, окаймляющих Плодородный Полумесяц, позволяет утверждать, что для этих наиболее ранних образчиков письма (VIII тыс. до н.э.) изначально использовался совсем другой материал. Дело в том, что глина не терпит округлых линий, оставляющих заусенцы, поэтому на глиняных табличках утвердились клинообразные знаки (нажим и прямая черта).

Рисованные архаические знаки прото-шумерских записей конца IV тыс. до н.э. восходят частично к упомянутым знакам на глиняных фишках и бирках. Мы предполагаем, что на юге бирки изготавливали первоначально из пальмовых ответвлений без листа. На такой *свежей* заготовке для бирки, как пишет Марактен, можно процарапать знак любой формы.

Гибридная шумеро-арабская изоглосса *gisimmaru* (*giš* + *tmr*) обозначает финиковую пальму. Соответствующий знак воспроизводит основные признаки растения с предельной реалистичностью: показаны не только связки плодов, но и *зубцы ответвлений без листа*. Этот рисунок знака на табличке из архива додинастийного Урука повторяется в схематичной передаче клинописных его вариантов для периодов старовавилонского, средневавилонского, нововавилонского и новоассирийского с неизменным подчеркиванием значения не только плодов, но и зубчиков ответвлений без листа, показанных множеством наклонных штрихов, особенно акцентированных в *архаическом Шумере и в старовавилонский период, от которых и дошли термины для свитков как материала деловой документации, использующей этот другой, бросовый, материал для записок.*

В отличие от глины, пальмовые бирки из отростков ствола – материал легкий и по сей день используется арабами Йемена и Хиджаза для записок, касающихся повседневных дел. При засыхании стебля пальмового листа на нем пишут чернилами, как на папирусе или пергаменте. Среди текстов, найденных при раскопках Тель-эль-Амарны, есть клинописная глиняная табличка с письмом, отправленным с Кипра (древняя Адашия), на обороте которой имеется указание египетского писца, откуда получено письмо, в виде строк, нанесенных черными чернилами скорописью – иератикой, известной с XIX в. до н.э. Это не единственная клинописная табличка с регистрацией чернилами.

Арабское обозначение чернил *hibr* позволяет привлечь для разъяснения организации писцового дела в Ассирии аккадский термин (*bîr*) *hiburni*, который может быть истолкован как «скрипторий» при казначействе города Ашшура, где работали арамейские писцы. Присутствие такого писца при учете дани показано на приводимом во всех книгах по писцовому делу ассирийском рельефе из Тиль Борсипа (напротив Каркемиша – колено Евфрата): писец со свитком стоит рядом с другим писцом, который держит клинописную табличку.

Этими легкими материалами – кожей, костью и черенками пальмовых листьев – объясняется, как мы думаем, своеобразие южноарабской графики. По общему признанию историков письменности, в своих особых формах знаков графика южноаравийских текстов не сводима к предполагаемому в науке для семитской системы письма в целом заимствованию из Египта. Более того, изобретение письменности, связанной в ее древнейших образцах с учетной документацией международного обмена (Д. Шмандт-Бессерат), связано, как нам кажется, не с сельскохозяйственными центрами, а со скотоводческими. Писали, вероятно, на коже коз, овец, коров, быков, ослов (шумер. *kuš uz/udu*, *kus ab/gu(d)*, *kuš anšu*) и на лопатках этих животных. При Селевкидах форма глиняной таблички становится плоской, воспроизводя лопатку, как самый ходовой писчий материал. Однако кость сохраняется только в засушливых регионах. Так, сброшенная в 20-метровый колодец слоновая кость облицовки дворцовых палат Нимруда превратилась в желе, из которого удалось извлечь и отреставрировать очень немного.

Раскопанное в Северной Месопотамии на краю степи поселение Умм-Дабагийя (VI тыс. до н.э.), процветавшее около пяти веков, специализировалось на отлове онагров и обработке их шкур. Освоение этого промысла, тем самым, коренится в глубокой древности, несравненно более ранней, чем доступные науке образцы классической письменности.

Чернила могли быть получены из тех же видов краски, что и для расписной и черношпательной керамики (сажа металлургов). Высший подъем переднеазиатской расписной керамики приходится на V тыс. до н.э.

Письменная фиксация речи, изученная благодаря находкам в Шумере и Египте, представляет *весьма продвинутую* стадию разработки письма, которая должна была иметь очень долгую предысторию.

Клинописные архивы, важнейшие для восстановления самой ранней истории письма Месопотамии, были открыты в Уруке – центре отгонного скотоводства Южного Двуречья. Образцы документов, представленные на Месопотамской выставке для всех эпох, начиная с древнейшей каменной таблички и кончая селевкидским текстом молитвы, обращенной к Великим ночным богам, происходят именно из Урука. Профиль клинописных таблиц, будь то камень или глина, сохраняет выпуклость оборота, присущую плоско-выпуклым кирпичам – знак сакральности документа. (Плосковыпуклые кирпичи дошли до нас из раскопок в предгорьях Загроса; такие кирпичи укладывают косо, ряд к ряду «елочкой» – это защищает постройку при землетрясениях, частых в горных регионах).

Камень и обожженная глина – материалы вечные, потому и термин для таблицы, *tirrit* – южноарабское *tf* сохранился в качестве обозначения вотивной таблицы, адресованной вечности. Изначально и параллельно с этими материалами, как мы думаем, использовались кость и кожа. Замечательна судьба письма пророка Мохаммеда к некоему аравийскому племени, прокомментированная Марактеном: текст был смыт, а кожа пошла на изготовление кубков. Кожа – это ценный материал, который мог вторично использоваться; кость и пальмовые бирки хорошо горят в отличие от глиняных таблиц, которые дошли до нас в таком большом количестве, потому что материал их вечен и никакой ценности не представляет.

Пергамент известен для Египта в Древнем царстве, когда центром скотоводческой Дельты считался Мемфис (ХикуПтах) – город, который дал название всей стране. Точно так, как это было с Ашшуром – казначейским центром международной торговли Двуречья. На всем Ближнем Востоке пергамент был самым ходовым материалом для письма наряду с кожей. Переход к курсиву египетских писцов в XIX в. до н.э. связан, с нашей точки зрения, с возрастанием роли дипломатических писем в международной деловой переписке. Они не могут быть лапидарны, как учетный документ или деловое распоряжение.

Переход к курсиву состоялся, как мы думаем, не только благодаря особенностям папируса, но и в связи с освоением значительно более распространенного материала

для письма – пергамента. Графика на пергаменте технически совпадает с графикой на папирусе.

Общесемитский термин для обозначения пергамента *rqq* означает «тонкий». Смысл корня подчеркивает суть отличия пергамента от кожи, позволяющей многократно смывать текст и пользоваться этим материалом для любых повседневных нужд. На пергаменте смывтый текст можно прочесть. Ни для чего другого, кроме письма, этот материал не годится. В термине для пергамента учтена технология получения именно *тонкой* кожи. Продукцией пергамента славилась Йемен и Хиджаз. Лучший пергамент делали из шкуры газели.

Белый гуммированный шелк, которым для письма пользовались в Индии, воспроизводит, как нам кажется, пергамент арабских оазисов. Отсюда, из Южной Аравии, в наши дни в международный обмен поступал чистейший клей – гуммиарабик.

Для опечатывания пергаментов служили печати-штампы. Именно такая форма печати отличает глиптику всего горного окружения Плодородного Полумесяца, особенно хеттские и урартские территории. На коже или пергаменте, возможно, и писали иероглифами, известными у хеттов и урартов по образцам, уцелевшим для науки в резьбе на печатях и в клеймах бронзы.

Среди огромного числа самостоятельных письменностей II тыс. до н.э., размножившихся «как грибы», по выражению И.Е. Гельба, особое место занимает угаритское письмо.

В Угарите – сирийском городе, связанном торговыми сношениями с Критом, был изобретен самый систематический из семитских силлабариев середины II тыс. до н.э., приспособленный и для хурритского языка – второго по значимости в культурных реалиях этого приморского центра. Образец делового документа был освоен угаритянами на аккадском языке и на традиционном для клинописи материале, на глине. Поэтому и для дублирующих аккадский образец учетных и юридических актов, составленных на одном из западносемитских языков, был использован тот же материал, диктующий клинообразную форму знаков.

Простейшие комбинации четырех основных элементов клинописи: вертикального, горизонтального, наклонного и углового клина, чрезвычайно важны. *Возможность манипуляций с простыми элементами доступна клинописи, очень рано оторвавшейся от рисунка, и недоступна не только рисованной египетской иероглифике, но и производной от нее скорописи, иератике*: момент, существенный для истории писцовых школ, который по традиции, сложившейся до обнаружения угаритских архивов, не принимается во внимание при реконструкции истории алфавита.

Для восстановления важнейшего звена истории письма наиболее существенна особенность угаритского алфавита в передаче огласовок: кроме алефа, открывающего все без исключения алфавиты, в конце списка знаков угаритяне добавили еще два знака с хамзой, «i» и «u», помимо «mater lectionis» – полугласных «w» и «j»! В аккадском списке знаков уже были особые знаки для придыхательного «h», «хамзы» и «w», но с *любой* огласовкой, только угаритяне закрепили практически все три основные гласные, сделал последний шаг к изобретению собственно алфавита. (Для гласных «o» и «e» были использованы фарингалы по их следам в аккадской клинописи, не располагавшей для фарингалов особыми знаками, но отмечавшей их наличие в разговорной речи именно таким изменением огласовки.) Имеющийся в слоговом чтении знака гласный отбрасывался, огласовка же передавалась отдельным особым знаком, сохранявшим в произношении легкий гортанный приступ, без которого семитские языки не могли обойтись (так же как кавказские – без экспираторного нажима, усвоенного из хурритской артикуляции).

Формирование письменности как живого голоса культуры всех показанных нами этапов развития отталкивалось от хорошо известного образца, используя характерные для него приемы членения устной речи.

«OASIS TADMOR»
ON THE PROBLEM OF RESEARCH ON THE HISTORY OF WRITING

N.B. Jankovskaya

«Oasis Tadmor» (after the Palmira (Tadmor) customs tariff in the collection of the State Hermitage Museum) is a project of research on the history of writing, that began under the guidance and advice of Igor M. Diakonoff. The development of various systems of writing in the Near East is studied in the reverse chronological order, beginning from the Tadmor tariff, and as far as the most ancient Mesolithic counters. The present paper is a short outline of the above-mentioned research. It shows the realia of the writing systems' development, particularly the usage of different materials in the Semitic writing.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ